

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

К 2
Ж 15

С. НАВАГИНСКИЙ

ЦЕРКОВНОЕ
ПОДПОЛЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА“ 1929

Возвратите книгу не позже указанного срока

25.09.97	20.12.97			
28.09.97	8.07.00			
29.09.97.	24.07.00			
30.09.97	19.05.07	237.8		
1.10.97	7.10.06			
2.10.97				
7.10.97				
9.XI.97				

С. НАВАГИНСКИЙ

К. 2
Н 15

«ПОДЪЕМ»

ЦЕРКОВНОЕ ПОДПОЛЬЕ

(О СЕКТЕ „ФЕДОРОВЦЕВ“)

Миб n 126

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

0518448

кф.
02

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КОММУНА“

Тип. Изд. „Коммуна“.
Зак. № 1622.
Тираж 10000 экз.
Обллит № 460.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брошюра „Церковное подполье“ не преследует цель глубокого исследования корней сектантства в ЦЧО.

Это краткий набросок истории сектантства в одном только районе, даже одной секты, столь уже известной в ЦЧО, — секты „федоровцев“.

Поскольку это первый опыт изучения и собрания материалов о деятельности сектантской организации „федоровцев“ оа контрреволюционной ее роли, одним э тим уже сделна большая работа.

В настоящий момент, в условиях обострившейся классовой бор-ьбы и в городе, и в деревне, в особенности в момент активных вредительских актов кулачества, очень своевременно и полезно вскрыть систему той непосредственной связи, которая существует между сектантством и кулацкой контрреволюцией в деревне.

Сектантство как и религия вообще всегда, во все времена было на службе классовых врагов пролетариата.

И когда мы говорим о „федоровцах“, это не просто экскурсия в область сектантства, э тим мы изучаем лицо формы и методы работы нашего врага, скрывающегося под той-то невинного непротивленчества, то дикого фанатизма.

Организация бывшими людьми секты „крестоносцев“ и проведение через э ти секты контрреволюционной работы означает, что буржуазия изменила методы и тактику бор-ьбы с советами, прикрываясь теперь в э той бор-ьбе религией.

Буржуазия ясно отдает себе отчет в том, что теперь не 17-18 годы: с открытым забралом итти против советской власти сейчас нельзя.

Поэ тому, именно поэ тому, они изменили тактику и методы бор-ьбы против диктатуры пролетариата.

То, что „крестоносцы“ Россошанского округа ЦЧО не религиозная секта, а контрреволюционная организация подтверждает целый ряд контрреволюционных деяний, исходящих от „крестоносцев“.

Для примера можно хотя бы сослаться на явно контрреволюционные лозунги этой организации. Вот они: „Долой власть советов, как власть антихриста“, „Долой кооперацию как антихристову организацию“, „Не сдавай хлеба советам, скорей антихристы погибнут“ и т. д.

Надо быть большим политическим профаном, чтобы не понять явно контрреволюционных лозунгов, заштопанных белыми нитками религии.

Сущность выбрасываемых „крестоносцами“ лозунгов не религиозная, а контрреволюционная, об этой сущности и должен знать трудящийся, прочитав эту брошюру.

Брошюра Навагинского имеет некоторые недочеты уже потому, что автору пришлось первому заниматься изучением и подбором материалов об этой сложной и мало кому известной в деталях деятельности сектантов „федоровцев“.

Главный недочет брошюры—у автора недостаточно глубок анализ экономических и классовых корней возникновения федоровской секты, освещения той роли, которую сыграло бытие в определении сознания авангарда кулацкой контрреволюции, но на ряду с этим недостатком, есть большие достоинства.

Автор вскрыл всю „хитрую механику“ действий „федоровцев“, дал полный и исчерпывающий исторический обзор формирования этой секты. Наконец автором приведены примеры того, как эта секта вела и ведет свою разрушительную работу.

Книга полезная, и нужно рекомендовать ее широким слоям читателей-трудящихся.

И. В. Реутский.

Ново-донской монастырь.

В устье громадного лога, когда-то дававшего приют извилине старого Дона, на заплатанном пашнями крутосклоне, чуть-чуть поблескивая стрельчатыми куполами, примостился Ново-донской монастырь.

Теперь, правда, здесь никакого монастыря нет. Был когда-то, до революции. Остались одни строения. Сейчас в монастырских стенах—в кельях, службах и подворьях — расположилась обширная говорливая, неумная детская колония, маленькая „республика ШКИД“.

Это почти на самой границе ЦЧО и Северо-кавказского края, на стыке Россошанщины с Донецким округом.

Двенадцать лет назад, здесь, в раскидистых многоверстных монастырских садах, изнывали от безделья сотни монахов, на много верст вокруг тянулись тучные монастырские земли, либо зараставшие желтоцветным донником, либо волновавшиеся золотом ржи и пшеницы, вспоенных тяжелым, вонючим, перемешанным с кровью крестьянским потом.

Ново-донской монастырь слыл богатеем на всю сухо-донецкую округу, на всю Монастырщину, где Петр I, двигаясь на юг, обносил церкви крепостными стенами, изрезанными бойницами да верками, и подпирал их крепостными башнями.

Монастырские амбары ломились от ядреного золотого зерна; монастырские общежития никогда не пустовали. Отец казначей—тучный монах Вениамин—никогда не тревожился за монастырскую казну, а заботы отца эконома всегда вертелись вокруг вопроса о том, куда принять всех богомольцев и как выжать из них побольше подношений.

Богомольцев было много. Монастырь всячески заманивал их в устье громадного, зеленокудрого лога.

Пускались в ход чудеса; рассказывались цветистые сказки о святости похороненных там иеромонахов; усиленно стягивались к монастырю эпилептики, кликуши, юродивые и старцы; кусок мокшинского мореного дуба из под Пензы выдавался за кусочек креста, на котором был, будто бы, распят Христос; отшлифованный Волгою кварц показывался как окаменелые „пальцы богородицы“, а мелкий онежский жемчуг изображал ее слезы.

Ново-донской монастырь всегда кишел старцами, странниками, слепцами и юродивыми, сходящимися сюда со всех сторон на вольные хлеба и готовыми в любую минуту итти на Дон, на Украину, на нижнюю Волгу звонить „о святости места сего“.

Октябрьская революция оборвала долголетнюю праздную и сытую монастырскую жизнь в устье сухого Донецкого лога.

Монахи расползаются по селам.

Ново-донской монастырь был закрыт. Сотни монахов, старцев, странников и юродивых расползлись по всем излучинам Дона; зарылись по всем богатым хуторам и слободам; осели священниками в селлах и настойчиво, при всяком удобном случае, вспоминали свою привольную жизнь в монастыре; вели назойливую агитацию за святость прошлого; проклинали новую „антихристову“ власть; собирали вокруг себя кучки кулаков, недовольных советской властью, и стервенели при всяком упоминании о живо-церковном движении, в котором они видели ловкого и опасного конкурента.

Все эти разбежавшиеся монахи,—ставшие странниками и старцами,—все эти старцы,—ставшие бродяга-

ми, разносчиками небылиц,—в каждом округе, в каждом селе, в каждом хуторе усердно и умело применялись ко вкусам местных „хлебных людей“,—зажиточных, кулаков, уцелевших помещиков,—применялись к местным условиям и в своем агитационном арсенале всегда имели богатый выбор басен и сказок, могущих удовлетворить всякому кулацкому спросу и вкусу „бывших людей“. Содержание этих рассказней,—густо заквашенное классовою злобой,—являлось причудливым сплетением излюбленных религиозных побасенок и сводилось к одному:

—Настал конец света!

Почему именно эту стародавнюю церковную выдумку усердно проповедывали монахи и старцы—ясно. Раз кончилось привольное, безбедное, беззаботное монастырское житье в Ново-донецком логе, раз отобраны раскидистые сады по склонам, раз отданы крестьянам многоверстные тучные монастырские уголья, раз тунеядцы выгнаны из-под прочных замшелых, рассчитанных на века монастырских кровель, значит—

—Настал конец света!

Ведь, для потребителя этих сказок тоже кончилось беззаботное нетрудовое житье!

Монахи, старцы, странники, юродивые и кликуши поползли по селам,—осаживались на церковных папертях; гнусили старые песни о Лазаре; проповедывали „конец света“ „наступление царства антихристово“ и, одновременно, вербовали сторонников, поклонников, сочувствующих, у которых можно укрыться, отсидеться, у которых можно пережить и на которых можно рассчитывать. Сторонники, поклонники, радетели нужны были каждому бродячему монаху и старцу. Их надо было отгородить от других—замкнуть в кружок.

Так начали насаждаться многочисленные мелкие религиозные секты по ту и эту сторону Дона.

„Ивановцы“, „иосафовцы“, „марфовцы“, „вениаминовцы“, „летуны“, „люди первого цвета“—им же нет числа—рождались, жили неделями или месяцами и умирали, как только Иосаф или Вениамин находил более сытное и более укромное местечко, где приспособливал свое учение к новым конкретным условиям, где принимался насаждать новую секту, хотя и со старым содержанием проповеди о надвигающемся конце света.

На юге ЦЧО и на севере Донщины и Украины таких мелких, карликовых сект было и есть очень много.

Но наиболее живучая из них, наиболее активная, наиболее, разветвленная, и, наконец, наиболее откровенно контр-революционная—это секта „федоровцев“.

Как родилась федоровщина.

К рождению „федоровской секты“ Ново-донской монастырь имеет прямое отношение.

Неподалеку от Монастырщины, вдоль Калач-богучарского большака, вытянулись три селения: Новый Лиман, Дедовка и Глубокая.

Новый Лиман—дочернее село,—выселки соседнего села Прогорелого.

В Новом Лимане 236 дворов, насчитывающих 1.530 едоков. Землеобеспеченность по здешним местам крупная—2,7 десятины пахотных угодий. Есть хорошие луга и 300 десятин леса.

Бедноты в Новом Лимане мало, зато велика зажиточная и явно-кулацкая прослойка, встретившая Октябрьскую революцию буквально в штаны.

Не даром, когда в 1920 году вспыхнуло знаменитое калитвинское кулацкое восстание, главными очагами повстанчества и основными базами кулацких банд были Калитва (в 37 верстах от Россоши) и Новый Лиман (в 100 верстах от Россоши).

В ново-лиманском лесу скрывались дезертиры, образовавшие банды „зеленых“. В этих же лесах долгое время находили приют остатки „колесниковщины“, докатившейся до Богучара. Ново-лиманские кулаки, давшие большой людской материал в различные банды, усердно охраняли покой „зеленых“, кормили их и предупреждали о всяких опасностях, каждочасно ожидавших бело-зеленые банды от органов революционной расправы.

Окончательный разгром „колесниковщины“ и ликвидация „зеленых“ пришлись не по вкусу ново-лиманским кулакам. По богатым избам затаилась звериная классовая злоба и ненависть к советской власти, к первому в мире рабочему государству.

Достаточно сказать, что даже сейчас, в 1929 году, в Новом Лимане есть инвалид, оказывавший в свое время содействие соввласти в ликвидации банд, боящийся и поныне оставаться или показываться на улице ночью:— бывшие дезертиры, бандиты и их родственники грозят расправой.

Октябрьская революция почти не изменила земельных отношений в Н. Лимане. Правда, о случаях открытой купли-продажи земли неизвестно, но аренда, субаренда и даже замаскированная продажа процветали здесь широко, особенно в первые годы. Да и теперь они наверняка есть, но ловко скрываются от органов, ведущих надзор за соблюдением положений земельного кодекса.

Единственное коренное изменение в землепользовании заключается в том, что произошло трудовое уравнение земельных наделов, и женщины, ранее не принимавшиеся в расчет при дележе земли, не считавшиеся „ревизскими душами“, были введены в число едоков, получающих землю.

Но даже эта часть земельной реформы должна была перекроить взаимоотношения в Н. Лимане. Вдовы

и многодевичьи семьи—а это были по преимуществу бедняцкие и середняцкие семьи—от этого изменения выиграли. Кулацкие хозяйства (в которых, благодаря „приданому“, „девки“ не засиживались), широко практиковавшие приемчество мужчин юродивых, старцев и нищих, продолжавших и после женитьбы странствовать и нищенствовать, а потому не обременявших „двора“, но „приносивших“ надел, а также богатеи, имевшие „собственные“ земли, в большинстве прикупленные или купленные через крестьянский банк,—проиграли.

Так как Новый Лиман—дочернее село и так как межселенное землеустройство проведено не было, то ново-лиманские богатеи, привыкшие в дореволюционные времена к верховодству, считали, что в их проигрыше целиком виновно селение Прогорелое, в котором осталось наиболее бедное крестьянство.

Ново-лиманцы усиленно начали добиваться межселенного землеустройства, но сказалась обычная волокита, дело где-то застопорилось, затянулось, и до 1925 года землеустроительные действия не начинались.

Все это создало в Н. Лимане своеобразную обстановку.

Кулаки и зажиточные были застрельщиками всех ходатайств о землеустройстве. Они выделяли ходатаев, даже снабжали их деньгами и, с одной стороны, благодаря этому, а с другой—благодаря слабости и засоренности местных советских и партийных органов, кулаки и зажиточные приобрели необычайное влияние в жизни Нового Лимана.

Особенно крупное влияние приобрел некто И. Н. Коржов, в недалеком прошлом местный советский работник, даже председатель какого-то ревкома, потом быстро разложившийся, а к 1925 году просто крупный и изворотливый кулак, наловчившийся, в бытность

наследователем в Богучаре, обходить законы и подыскивать различные лазейки для самых замысловатых затей. По словам людей, хорошо знающих Коржова, — это проницательный и изворотливый прохвост, типичный Семен Рак из „Воздушного пирога“, готовый использовать в личных выгодах любую обстановку.

Этот самый Коржов заделался ново-лиманский адвокатом по землеустроительным делам и усердно спекулировал на затяжках дела и волоките в землеустроительных органах.

Деятельными помощниками Коржова были братья Павел и Демид Колесниковы, которые, если не отличались особым умом, коржовской изворотливостью, то слыли за отменных силачей, сумасбродов и бандитов, способных без особого труда и раздумья убить какого угодно человека.

Третий брат Колесниковых — Кузьма — до Октябрьской революции был монахом Ново-донского монастыря, после превратился в странника и скитался вдоль Калач-богучарского большака с обычными монашескими наветами и нашептываниями, а в последнее время работал псаломщиком в Н. Лимане при попе Вениамине.

Как ни велик был авторитет И. Н. Коржова, но ново-лиманский Рак все же понимал, что авторитет этот временный, что проведение землеустроительных действий положит конец коржовскому могуществу и, наконец, Коржов прекрасно понимал, что за ним идут далеко не все ново-лиманцы, что его твердо поддерживают только зажиточные, кулаки, „бывшие люди“, а все остальные — только временные и случайные попутчики.

Начинается подыскивание другого способа поддержания авторитета.

И способ этот находится.

Федор Рыбалкин—сумасшедший из Н. Лимана.

В Новом Лимане проживал крестьянин Федор Рыбалкин, выходец из с. Прогорелое. До революции был зажиточным мужиком. Имел ветрянку. Во время нашествия белых банд—куда-то исчезал. Говорят, будто он уходил с белыми и даже служил в каком-то полку „Иисуса Христа“. Вернулся Рыбалкин в 1921 или 22 г. В это время он проявлял признаки душевного расстройства.

К 1924 году болезнь Рыбалкина заметно обострилась и в Новом Лимане его уже открыто называли сумасшедшим. Федор проявлял признаки религиозного помешательства.

В 1924 году Федор Рыбалкин чрезвычайно таинственно исчезает из Нового Лимана. Одновременно исчезает и монах Кузьма Колесников.

Документальных данных об этом исчезновении нет. Достаточно надежных свидетелей тоже... Остаются только слухи.

Рассказывают, будто Кузьма Колесников повел Федора Рыбалкина по старцам и скрывавшимся монахам, что он водил его по каким-то „святым местам“, чуть ли не в Киев и даже Афон, а другая версия

передает, что он водил Федора к каким-то врачам и знахарям.

Обе эти версии одинаково вероятны. Возможно, что Кузьма водил Федора и к врачам, и к знахарям, и к старцам. Зачем—неизвестно.

Пропадали Кузьма и Федор месяцев 5-6.

Зимой в самом начале 1925 года Федор Рыбалкин снова появился в Н. Лимане. Теперь он совсем выглядел монахом: оброс волосами, надел длиннополую одежду, носил под одеждой тяжелые вериги, несмотря на морозы, ходил босиком.

Н. лиманцы посмеивались над сумасшедшим земляком, но И. Н. Коржов и оба Колесниковы—завязтые пьяницы и горлохваты—начали звонить на всех углах и перекрестках о выдуманной ими святости Федора Рыбалкина, о его необычайной силе и о тех чудесах, которые якобы совершены Федором на обратном пути из „святых мест“ в Н. Лиман. Так ловкий шарлатан Коржов создал разговоры о „новоявленном святом“.

Одновременно монах Кузьма без особого труда привлек на свою сторону ново-лиманского священника Вениамина и вместе с ним занялся усиленным рекламированием с церковного амвона „новоявленного святого“, „блаженного Федора“.

Федор Рыбалкин—в прошлом старший унтер-офицер царской армии —отменный матерщинник, пьяница и сифилитик—в 1925 году проявлял все признаки острого душевного расстройства.

По крайней мере, в том же году его арестовала милиция за ряд оскорбительных выходов, Петропавловский волисполком не нашел ничего другого, как освободить Федора под надзор родственников из Н. Лимана. Это освобождение, самое заурядное административное действие—создателями нового святого было истолковано, как „очередное чудо“ „блаженного Федора“.

Н. лиманцы единодушно удостоверяют, что бешеную агитацию в этом духе развернули священник Вениамин, монах Кузьма, упоминавшийся выше И. Н. Коржов, церковный староста Аким Шевцов (богачей, владелец мельницы, пьяница, известный в бандитском мире под кличкой Клыпа) и братья Колесниковы.

Священник Вениамин и монах Кузьма организовали ежедневные церковные службы, через гонцов (старцев и странников) сзывали богомольцев из окрестных сел, устраивали всенощные службы, выводили Федора через алтарь на середину церкви, ставили его на колени и в пространных проповедях „толковали“ бессвязное бормотание сумасшедшего Федора.

Вениамин в проповедях называл Федора „явленным Пантелеймоном целителем“, а Кузьма, принимая подношения от богомольцев, говорил прямо, что в лице Федора Рыбалкина снизошел на землю Илья-пророк, который имеет бумагу от бога, чтобы подготовить праведников „к концу света и к страшному суду“. Вот немудрящая история о том, как вчерашнего унтер-офицера и сифилитика задумали произвести в святые.

Один из лиманских советских работников того времени т. Кучмасов рассказывает, что когда разговоры о Федоре стали особенно настойчивыми, когда в Новом Лимане стали появляться богомольцы из Белой Горки, Дедовки, Глубокой и т. д., он решил заглянуть в церковь, чтобы убедиться, что там делается.

Было уже поздно. В церкви горели лампы и свечи.

Когда т. Кучмасов вошел в церковь, посередине на коленях стоял Федор Рыбалкин, грязный, вонючий, обросший бородой и громадной взлохмаченной шевелюрой. На Рыбалкине была одета ряса из домотканного крестьянского сукна. На шее два больших креста—деревянный, который прежде хранился в церкви, и ме-

таллический, повидимому серебряный, укрытый в дни изъятия церковных ценностей.

Рыбалкин был босиком. Подняв руки кверху, он густым басом бормотал что-то совершенно бессвязное, а возле него стоял монах Кузьма и „переводил“ слова „пророка Ильи“—„Пантелеймона целителя“ столпившимся богомольцам, преимущественно пришлым пожилым женщинам.

Здесь же в церкви, по левую сторону, вповалку на своих котомках спали богомолки и богомольцы, а священник Вениамин „исповедывал“ и „отпускал грехи“.

Когда т. Кучмасов вошел в церковь, его никто не заметил и служба продолжалась попрежнему, но как только вошедший попал в полосу света монах Кузьма, увидевший его, кашлянул—это был условный знак—а Федор, стоявший на коленях, громко закричал:

— Кто без спросу вошел в дом отца моего?

Инсценировка федоровского „ясновидения“ была совершенно очевидна и слишком топорна, но темные старики и старухи даже в этом жесте увидели особую „благодать“, „почиющую на посланце господа бога“.

— Ни один безбожник не сможет войти в храм, чтобы Федор не почувствовал этого,—говорили на другой день на н. лиманском пятничном базаре.

Тов. Кучмасов рассказывает дальше, что Федор сейчас же разразился какой-то бессвязной проповедью, из которой только и можно было уловить, что Рыбалкин предсказывает близкий конец света, что он проклинает антихриста, царство которого наступило, и предсказывает появление дракона, как свидетельства рождения „царства антихристового“.

Акционерное общество „Клыпа и К⁰⁰“.

При ново-лиманской церкви образовалось своеобразное акционерное общество по извлечению выгод из демонстрации сумасшедшего Федора Рыбалкина.

Во главе общества становятся все те же Клыпа (Аким Шевцов), Колесниковы и Коржов. Священник Вениамин направляет работу. Разосланные по селам старцы и разагитированные старухи сзывали все новых и новых богомольцев, несших в Новый Лиман всякую снедь, деньги и особенно холстину.

Коржов затевает организацию странноприимного дома.

Раньше, до революции, в Новом Лимане был доходный дом, принадлежавший церкви. Дом этот был муниципализирован и в 1925 году принадлежал кредитному товариществу, в котором, по разгильдяйству местных органов, очень крупную роль играл все тот же И. Н. Коржов.

Дальше начинается темная история.

Кредитное товарищество почему-то решило продать доходный дом и без торгов уступило его группе „Федоровцев“, возглавлявшейся опять тем же Коржовым. Короче: Коржов продал дом Коржову же.

В купленном доме срочно оборудуется общежитие для богомольцев, создается особая кухня, заводится монастырский устав, появляются три экономки—Марфа, Мария и Екатерина,—сюда же переводится „келья“ Федора Рыбалкина и его „послушника“ ново-донского монаха Кузьмы. Здесь организуется непрерывная служба, которую ведут то священник Вениамин, то какие-то черницы.

„Явление и изгнание дракона“.

Федор продолжает бессвязные проповеди „о конце света“ и о „близком появлении дракона“.

В Новом Лимане мне никто не мог рассказать что-либо об этом самом драконе, а в Новой Калитве от б. избача Шмелькова, псаломщика Зацепина и от других лиц пришлось слышать такой рассказ: когда Фе-

дор распалил воображение фанатичных старух непонятными словами о драконе и когда со стороны более здравомыслящих начали раздаваться голоса сомнения, в странноприимном доме вдруг объявился живой „дракон“.

Правда, этот „дракон“ не имел по внешности ничего общего с легендарными многоголовыми летающими змеями. Это был обыкновенный маскарадный чорт: в красном трико, с черными козлиными рогами, с мочальным хвостом, с натертыми фосфором веками и вымазанной в саже рожею.

Кто именно изображал этого „дракона“ ни один из моих собеседников не знает, но, судя по тому, что в это время исчезал один из Колесниковых, предполагают, что „высокая честь“ изображать „дракона“ принадлежала Павлу Колесникову.

Появление дракона было рассчитано на эффект.

Уже несколько дней кряду Федор усиленно бормотал свои „прорицания“, говорил о каких-то „мертвцах смердящих“, о „костях звенящих“, о „семи печатях, которыми запечатано искупление“, о „близком конце света“ и о наступившем царстве дракона, посланного, чтобы пожрать благочестие.

Вениамин, Кузьма и черницы усиленно „переводили“ прорицания и говорили, что Федор предсказывает последние минуты мира, что не сегодня - завтра должен явиться дракон.

Вся эта история с „драконом“ изобретена, конечно, не Федором, человеком вообще крайне ограниченным (а к 1925 году уже и сумасшедшим). Тут работал более развитой Вениамин, еще в монастыре изощравшийся по части монастырских явлений, чудес и других инсценировок.

Надо добавить, что в это время в Петропавловском районе стали появляться первые обновленческие свя-

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

0518 748

щенники, вызывавшие остервенелую ненависть монахов, старцев, странников и богомольных старух.

Вслед за Тихоном, они сыпали по адресу обновленцев страстные проклятия и изображали живоцерковников, как агентов антихриста.

Чтобы ударить особенно чувствительно по воображению темных богомольцев, в Новом Лимане и было затеяно „появление дракона“.

Точно дату спектакля установить никто не может. Во всяком случае, было это, по уверениям сохранившего кой-какие записи т. Овсянко (б. избач), в первой половине 1925 года.

В бывшем доме кредитного товарищества, к тому времени купленном федоровцами, толпилось много богомольцев. Допускались только посвященные, отмеченные крестом и нашившие крест на одежду Федора.

Сам Федор, в рясе с двумя (деревянным и металлическим) крестами, в веригах, подпоясанный боевыми кожаными наплечными ремнями, весь обшитый разноцветными крестиками (каждая богомолка, получившая от „блаженного“ отпущение грехов, должна была нашивать ему на рясу крестик) стоял на коленях и прорицал появление дракона. Вдруг распахнулась одна из дверей и в комнате появился сам маскарадный „дракон“, но сейчас же прогнанный Федором исчез.

Все это проделано ничуть не лучше, чем на самой захудалой клубной сцене, но „появление и изгнание дракона“ произвело на „посвященных“ старушек потрясающее впечатление и дало богатую пищу для разговоров о святости Федора, а священника Вениамина и монаха Кузьму вдохновило на проповеди о том, что обновленцы идут в церковь сейчас же за „драконом“, что они суть „агенты дьявола“, „слуги антихриста“.

Весь этот рассказ я передал со слов тов. Овсянко, но в том же виде я слышал его и от ряда других лиц.

Сами „федоровцы“ по поводу „появления и изгнания дракона“ ничего говорить не желают.

Через некоторое время „изгнание дракона“—и опять только для испытанных федоровцев—было повторено в церкви, при чем „дракон“ появился из левой двери и исчез в группе Коржова, Клыпы, монаха Кузьмы, Демида Колесникова, Марфы, Марии, Екатерины и других верховодов „акционерного общества“.

Все это жульничество—топорное, грубое—рассчитано было на воздействие на темных, фанатичных крестьян. И до некоторой степени оно достигло цели.

Слава о „чудотворных силах“ Федора начала разноситься старухами по всем селам, и в Н. Лиман потянулись вереницы богомольцев, привлекаемых рассказами об исцелениях, о явлениях дракона, об изгнании бесов и т. д.

„Вознесение“ Федора Рыбалкина.

Примерно в середине 1925 года Федор Рыбалкин объявил, что ему было видение, и что „господь бог“ „призывает его вознестись на небо“, пришлет за ним в следующее воскресенье огненную колесницу и в грозе и буре возьмет его живым на облака.

В ближайшее воскресенье Н. Лиман являл собою необычайную картину. Толпы старух и стариков сошлись и съехались из самых отдаленных районов: были из Павловска, Новой Калитвы, Калача и даже из Старобельского уезда (Украины).

После необычайно торжественного богослужения, совершенного священником Вениамином и прослушанного богомольцами на коленях, Федор Рыбалкин вел всех богомольцев за село, стал на возвышении и пробормотал очередное „прорицание“ о близящемся „конце света“, о „явлении дракона“, о „мертвецах смердящих“, о „костях звенящих“, о „власти антихри-

ста“ и т. д., а затем об'явил, что сейчас серафимы подхватят его, пророка Илью, звавшегося на земле Федором, вознесут на небо и посадят за небесный стол судить живых и мертвых.

Окончив длинную и, как всегда, путаную проповедь Федор Рыбалкин трижды подпрыгивал, размахивал руками, кричал, что серафимы окружили его и он чувствует взмахи их крыльев, а затем упал на землю и громко закричал:

— Слушаю, господи, твой приказ! Раз ты приказываешь мне еще остаться на земле и продолжать спасение рода человеческого, я остаюсь и продолжаю подвиг!

Вся эта комедия была настолько нагло разыграна, была так очевидно шита белыми нитками, что даже среди темных, фанатичных стариков и старух вспыхнуло возмущение федоровским обманом и самому Федору Рыбалкину, монаху Кузьме, священнику Вениамину и экономкам Марфе, Марии и Екатерине пришлось бежать из Нового Лимаña.

Бегство Федора в Н. Калитву.

Они направились повидимому в Новую Калитву, большое придонское село, стяжавшее себе печальную славу известным кулацким восстанием, распространившимся до Богучара. Еще сейчас в Новой Калитве трудно сыскать зажиточный крестьянский двор, так или иначе непричастный к колесниковщине. Кроме того, в Новой Калитве, не в пример другим селам, жило и живет много бывших полицейских, урядников, жандармов и торговцев.

Здесь беглого „блаженного“ и его свиту пристроил Родион Матвеевич Грибанов, происходящий из слободы Глубокой.

Этот Грибанов тип чрезвычайно интересный. В прошлом — крупный землевладелец и скотопромышленник. При нашествии белых активно им содействовал. Был при них даже старостой. Сын Грибанова за активное участие в ряде банд — расстрелян. Сам Родион Грибанов принимал ближайшее участие в организации калитвинского восстания.

Грибанов быстро становится ближайшим помощником Федора Рыбалкина и привлекает в свиту „блаженного“ бывшего бандита Ивана Петровича Соколова из Терновки (зажиточного) и кулака Дмитрия Пархоменко, живущего на краю Новой Калитвы, в вишневом саду.

Если в Н. Лимаце поклонники сумасшедшего Федора Рыбалкина довольствовались борьбой с обновленцами, если там они разыгрывали комедии явления и изгнания дракона, то в Новой Калитве, под влиянием опытных бандитов, вступивших в федоровские ряды, секта сразу и резко перестраивается в открыто контрреволюционную, антисоветскую организацию, ставящую во главу угла своей деятельности самую разнообразную борьбу с советской властью.

Федоровцы начинают называть себя „белыми монахами“, ждущими прихода „белых всадников“, которые-де отберут всех федоровцев в сторону и щедро наградят их, а остальных „предадут лютой смерти“.

Чтобы отличить федоровца от нефедорца, поклонники „блаженного“ начинают нашивать на свои одежды кресты, при чем количество крестов у разных лиц различное. Что значит то или иное число и сочетание крестов, установить пока что трудно.

Федоровцы скованы каким-то обетом молчания и ни за что не рассказывают своих тайн и обрядов.

Посторонние же наблюдатели могут строить только те или иные догадки, может быть достаточно правдоподобные, но не исчерпывающие.

Так, наиболее распространено предположение, что федоровцы делятся внутри секты на ярусы и имеют различные чины. Количество крестов соответствует чину и месту, занимаемому в секте тем или иным лицом.

Другое предположение указывает, что сам Федор Рыбалкин был обшит крестами с головы до ног, и что кресты нашивались не им самим, а теми, кто „получал избавление от грехов“, т. е. кто вступал в секту. Отсюда: кресты означают, кто и сколько человек привлек в ряды федоровцев.

Хотя второе предположение и не лишено известной убедительности, но более вероятным надо считать первое мнение.

И вот почему: в первое время федоровцы располагали кресты на брюках и юбках, потом, по почину Дмитрия Пархоменко, перенесли их на рубахи и свитки, а теперь, в последнее время, начали переносить на плечи одежды.

Кроме того, очень часто встречаются сектанты с 7 крестами и совершенно не встречаются с 6, встречаются с 14 и нет совершенно с 13.

Повидимому, в секте действительно установлены чины, и эти чины отличаются по количеству нашитых крестов.

Свой дома федоровцы обязательно отмечают особыми знаками. Прежде на ставнях просто ставились мелом кресты, а теперь начали выводить довольно замысловатые знаки, схожие с масонскими эмблемами.

Знаки эти следующие: на одной ставне

а на другой, мелом же, выводится какой-либо евангельский текст. Теперь чаще всего пишут: „Разумеете языки и покоряйтесь, яко с нами бог“. Встречается, хотя и редко, надпись: „Приходите ко мне все страдающие и обремененные и я успокою вас“.

„Белые монахи“ ждут „белых всадников“.

По убеждению федоровцев, когда придут „белые всадники“ и принесут всем нефедоровцам лютую смерть, именно по этим знакам они опознают дома, в которых живут „праведные“, „белые монахи“. Пощадят их, а остальные дома предадут огню.

Вся история с приходом „белых всадников“ рождена уже тогда, когда центр секты перекочевал в Новую

Калитву. Преподносится рассказ в следующем виде: настанет ночь, обязательно под какой-либо большой религиозный праздник или под местный престольный праздник, когда прискачет „белое воинство“, „белые всадники на белых конях“ и устроят „Варфоломеевскую ночь“ (именно так называют сектанты ожидаемую ночь), уничтожая всех нефедоровцев и сжигая их жилища. Федоровцы же будут щедро награждены.

Историю эту, вынянченную повидимому Дмитрием Пархоменко, рассказывают теперь в секте по всякому случаю, по всякому поводу и с удивительной настойчивостью.

Какой-то религиозных дел стряпчий подобрал в подтверждение проповеди цитаты из евангелий, Апокалипсиса, книг Даниила, Еклезиаста и каждое собрание федоровцев до сих пор заканчивается обязательной проповедью о близком пришествии „белых всадников“.

Проповеди эти строятся так, что в их откровенной контр-революционности не может быть ни малейшего сомнения.

Впервые эти проповеди раздались в 1926 году, как раз в то время, когда после бегства Федора Рыбалкина из Н. Лимана в Н. Калитву использование сумасшедшего „блаженного“ из рук акционерного общества Коржов-Клыпа перешло в руки нового общества Пархоменко-Соколов и К^о.

В самом начале 1926 года, правильнее даже в конце 1925 года, федоровцы развили бешеную агитацию за приближающийся „конец света“ и наступающий час „страшного суда“.

Кто был „прорицателем“, сказать сейчас трудно, но, повидимому, оставив Федору его постоянное бессвязное бормотание, более умные Пархоменко и Соколов, под руководством Кузьмы и, возможно, Вениамина,—разработали „план кампании“.

В 1908-12 г. в баптистских кругах пользовался шумным успехом какой-то отставной полковник, который, беззастенчиво тасуя тексты „священных книг“, передегивая исторические даты, сваливая в общую кучу легенды, былины, сказки разных народов, литературные произведения и т. д., доказывал, что в 1912 году начнется „тысячелетнее царствие Христа на земле“.

Примерно, методами этого шарлатана стали пользоваться федоровцы. Они не останавливались ни перед чем, ни перед откровенным обманом, ни перед шарлатанством, вроде „изгнания дракона“, ни, наконец, перед открытым преступлением.

Было объявлено: в ночь под новый 1926 год (по старому стилю) примчатся полчища „белых всадников“ и устроят Варфоломеевскую ночь. В первую голову будут уничтожены все, кто поддерживает „власть антихриста“, кто идет за советской властью, являющейся „властью от дракона“.

Федоровцы, с перенесением центра своей работы в Н. Калитву, широко наладили связь с окрестными селами, радиусом на добрую сотню верст.

Связь эта осуществляется примерно так, как она многие века существует в киргизских степях среди кочевников.

Из Калитвы, скажем, приезжает или чаще приходит в Терновку гонец с тем или иным распоряжением или известием от Пархоменко. Из Терновки выезжает или выходит с продвижением этого известия уже столько гонцов, со сколькими селами граничит Терновка. Так идет и дальше от села к селу, пока не будут оповещены все федоровские гнезда.

Этот способ связи гарантирует максимальную быстроту и большую скрытность, но он же свидетельствует, что работу федоровцев направляет какая-то опытная и расчетливая рука, прекрасно знакомая, скажем, с техникой связи в бескрайних кочевых степях.

Кто такие „белые всадники“, ожидаемые федоровцами, вполне понятно.

Да и сами федоровцы в своих проповедях этого не скрывают.

Попытка возродить „союз русского народа“.

Федоровцы ожидают нового прихода белых армий, идущих откуда-то для свержения советской власти и восстановления царского трона.

Уже упомянувшийся нами Родион Матвеевич Грибанов, давший приют Федору Рыбалкину и впоследствии об'явивший себя наместником „блаженного“, попавшего в психиатрическую лечебницу,—дошел до того, что стал появляться в местах федоровских сборищ с пристегнутым на груди трехцветным царским знаменем с надписью „Христос воскрес“ и „боже царя храни“.

„Христос воскрес“—это федоровский лозунг, своеобразный пароль.

В Россоши, в Н. Калитве и в Петропавловке мне довелось слышать, что „Христос воскрес“ и буквы „Х. В.“ на ставнях, стенах и потолке означают зашифрованное „Хотим войны“.

Думаю, что эта догадка мало вероятна. Гораздо правдоподобнее предположение, что пароль „Христос воскрес“ есть простая пересадка в контр-революционную секту клича знаменитого „союза русского народа“.

Достаточно припомнить, что на трехцветных знаменах этого союза часто красовались именно те надписи, которые были на знамени Р. Грибанова, чтобы согласиться с этим предположением.

И в самом „союзе русского народа“ Гамзей Гамзеичи приветствовали друг друга именно возгласом „Христос воскрес“, практикуемым сейчас у федоровцев.

В Н. Калитве, Н. Лимане, Талах, Атаманске и других гнездах федоровщины я пытался выяснить не принадлежал ли в прошлом кто-либо из верховодов секты к „союзу русского народа“, но, к великому сожалению, никто из аборигенов никогда даже не интересовался этим вопросом, а потому ничего не мог сказать мне.

Весьма возможно, что федоровщина—это есть ловко задуманная попытка возродить в церковном подполье черносотенный союз под маской религиозной секты.

Вернемся к первому „концу света“.

Под 1926 год федоровцы усиленно готовились к приходу „белых всадников“. На ноги были поставлены все гнезда.

Был пущен слух: в ночь под новый год прискачут „белые всадники“, которые „принесут лютую смерть“ всем нефедоровцам, а одновременно в ту же ночь с неба сойдет незримый огонь, который испепелит всех сторонников власти антихриста.

В ночь под новый год (по старому стилю) все федоровцы собрались в церквях и заняли правую половину. Между прочим, это стало правилом. Приходя в церковь, федоровцы выгоняют всех „неверных“ с правой стороны, занимают ее сами, становятся на колени и так остаются в течение всей службы, причем священник, если он нефедовец, не интересуется сектантов.

В Н. Калитве долгое время священствовал Александр, явный федовец. Когда его сменил священник обновленец, федоровцы так же приходили в церковь, занимали правую сторону, всю службу стояли на коленях, но совершали фактически свою собственную службу, а потом оставались в церкви после службы и Дм. Пархоменко проводил собственные моления.

Под 1926 год федоровцы в церквях устроили всеобщее стояние.

Подготовка к приходу „белых всадников“ велась

так широко, агитация за устройство „Варфоломеевской ночи“ была такой настойчивой, что советский актив Новой Калитвы всю ночь провел на ногах, ожидая каких-либо выходов со стороны федоровцев.

И не ошибся!

Бандиты под религиозной маской.

Ровно в полночь, в Новой Калитве одновременно, будто по команде или сигналу, в четырех различных местах большого села, крест на крест, вспыхнуло четыре пожара. Поджог был несомненный. Горели хаты советских активистов. Когда эти четыре пожара были, почти затушены, вспыхнули четыре новых пожара, опять крест на крест.

Эти пожары были потушены моментально.

Хотя ни одного поджигателя сразу изловить и изобличить не удалось, но срединово-калитвинцев не было никакого сомнения, что новогодние пожары—дело рук федоровцев, пытавшихся инсценировать „появление с неба незримого огня“ и расправу „белых всадников“ с „антихристовыми слугами“. Впоследствии участие федоровцев в этих поджогах доказано неопровержимо.

Запугивание некоторых.

С тех пор, к прежним методам федоровцев—обману, шантажу, мошенничеству—прибавился еще один—террор, запугивание.

Ново-калитвинский политпросветработник т. Овсянко рассказывал мне, что в сл. Терновке был такой случай. Федоровцы долго обхаживали семью крестьянина Внутрякова, завлекая ее в секту. Внутряковы не сдавались.

Однажды, поздно ночью, в хату Внутрякова постучали.

— Кто тут?—спросил проснувшийся хозяин.
Никакого ответа.

— Кто тут?

Опять молчание.

Выждав минутку, Внутряков открыл дверь.

Тотчас же в хату Внутряковых ворвались две фигуры, одетые во все белое, которые, размахивая руками, стали искать кресты на стенах и потолке и замогильным голосом говорить, что крестов в доме нет, что здесь живут антихристы и что дом этот должен сгореть в огне незримом.

Жена Внутрякова, Анна Митрофановна, так перепугалась ночных посетителей, что грохнулась на пол без сознания, а на утро, охваченная суеверным страхом, вступила в федоровскую секту и до сих пор остается ревностной федоровкой.

Сам же Внутряков подробно расследовал случай с ночным посещением и пришел к убеждению, что к нему в дом приходил не кто другой, как местный руководитель секты Соколов и его жена Прасковья Петровна.

Запугивание практикуется федоровцами чрезвычайно широко, во всех видах и по всякому поводу.

В Новой Калитве и в Талах целый ряд пожаров, имевших место в последние годы, приписывается федоровцам.

Говорят даже, что они не брезгают обрезом и финкой, чтобы запугать наиболее непокорных и строптивых.

Беззастенчивый обман, явный шантаж, постоянное распускание различных провокационных слухов, картинное, показное единство секты и, наконец, запугивание и террор—создали такое настроение во всех районах распространения федоровщины, что о секте никто равнодушно говорить не может.

Если местный житель на расспросы о федоровцах отделяется ничего не значащими фразами, если он

отмахивается неведением и т. д., можете быть уверенным, что перед вами тайный федоровец.

Нефедоровец не может говорить о секте иначе, как с беспредельным озлоблением.

— Довели, знаете! Это же не секта, а бандиты. Самые откровенные политические бандиты, которые пытаются свергнуть советскую власть, терроризируют население, ведут агитацию за восстановление монархии и всеми доступными средствами срывают каждое мероприятие советской власти в деревнях наших районов.

Нефедоровцы иначе о сектантах не говорят.

Даже таловский священник Дементьев, с которым федоровцы ведут острвенелую борьбу, иначе не называет сектантов, как —

— Религиозные бандиты!

Сами же федоровцы о себе ничего говорить не желают и смогли конспирацию поставить так, что ни от одного федоровца ничего толкового о внутрисектантской жизни не узнаешь.

В Богучаре мне довелось обстоятельно беседовать с одним работником прокурорского надзора, который долго жил в местах, пораженных федоровщиной, и имел возможность наблюдать сектантов более или менее всесторонне, поскольку это возможно и доступно нефедоровцу.

Ни с одним советским органом сектанты не желают иметь сношений.

Никаких решений не обжалывают, но и выполнять их не желают.

Особенно это заметно на работе суда.

Приносят федоровцу повестку о явке в суд.

Он повестку принимать не желает, расписываться ни за что не станет.

— Положи бумажку, если хочешь!

На суд явится. Ни на один вопрос отвечать не станет.

- Ваше имя?
- Христос воскрес!
- Отчество, фамилия?
- Христос воскрес!
- Вас зовут Иван Андреевич Кандыба?
- Бог знает!
- Вам сколько лет?
- Пятьсот и пятнадцать!
- Вы откуда приходите?
- Из Ерусалима, с горы Сионской.
- Признаете себя виновным в том-то, том-то и том-то?

— Бог знает!

Бьется, бьется бедный судейский работник, напрягает всю силу воли, чтобы сохранить спокойствие, необходимое для судьи при разборе дела, и, в конце концов, все судебное следствие превращается и для судьи, и для заседателей, и для технических судебных работников в жесточайшее испытание.

Характерно, что так держат себя и на суде, и в других советских органах решительно все федоровцы.

Значит, та к а я б ы л а д и р е к т и в а по федоровской, по сектантской, по контр-революционной линии.

— Федоровщина организационно оформлена.

Во всем построении федоровской секты чувствуется очень опытная, направляющая рука, прекрасно знакомая и с прежним „союзом русского народа“, и с американским Ку-Клукс-Кланом, и с массонскими ложами, откуда заимствованы то лозунги и пароли, то построение и чины, то методы работы.

В журнале „Коммун. революция“ за 1928 г., в статье о сектантском движении в наши дни, упоминалось вскользь о федоровцах и о том, что секта эта не имеет организационного оформления.

Это утверждение является крупнейшей ошибкой. Правда, федоровцы нигде не регистрируются как самостоятельная религиозная община, как, скажем, регистрируются баптисты, молокане и т. д.

Но это и понятно. Федоровцы самостоятельной религиозной общиной не являются. Они есть не что иное, как подполье тихоновской церкви, как подлинное лицо тихоновского православия, как откровенно контрреволюционная организация, пытающаяся прикрыться религией.

И только!

В первое время существования секты—она действительно не имела организационного оформления, но это относится к 1925-26 гг., а теперь федоровцы безусловно имеют достаточно отчетливое организационное оформление.

У федоровцев есть где-то центр, который руководит местными разветвлениями, который дает директивы и распределяет задания.

У федоровцев безусловно есть устав, соблюдение которого ставится в секте чрезвычайно высоко. Поддерживается теснейшая связь с другими сектами, иоаннитами, иеговистами, еноховцами и т. д. Несмотря на какие-то догматические разногласия, секты усердно распространяют религиозную литературу, издававшуюся различными религиозно-монархическими организациями.

Наконец, у федоровцев широко развита конспирация, вуалировка, зашифровка.

Повидимому, у них есть даже несколько степеней, что-то в роде кандидатства.

По крайней мере, во всех федоровских гнездах, где мне удалось побывать, определенно говорят, что есть особый разряд, так называемых „тайных федоровцев“. Это не значит, что есть федоровцы, которые скрывают свою принадлежность к секте.

Это значит только, что есть федоровцы, которые составляют второй ярус, действующий по директивам первого яруса, это значит только, что второй ярус выдерживает какой-то искус, какое-то испытание, экзаменуется в выдержанности и активности. Вот на этих тайных федоровцев повидимому и возлагается выполнение большинства террористических актов.

Что у федоровцев есть руководящий центр,—это лучше всего доказывается рядом убедительнейших фактов.

До 1926 года все федоровцы считали своей обязанностью в большие праздники бывать в Новом Лимане, в коржовском „подворье“.

С 1926 года сразу, будто по какому-либо приказу, по какой-либо директиве, хождение в Новый Лиман оборвалось и началось паломничество в Новую Калитву.

Через несколько месяцев после этого на одеждах федоровцев появились нашитые кресты.

Совершенно в одно число по всем зараженным федоровщиной районам распространяются слухи о дне и часе очередного „конца света“: то под новый год, то под пасху, то под трицу.

Так распространять слухи, так назначать дни и так проводить то или иное внешнее перестроение, можно только при наличии руководящего центра и определенной дисциплины внутри секты.

В первое время федоровцы ограничивались малым: кресты, выведенные мелом на стенах; кресты, накопченные восковой свечой над входом, на потолке всех строений, как в стародавней русской деревне, и кресты, нашитые на одеждах.

Потом сразу у всех федоровцев на ставнях появился лозунг: „С нами бог“.

Точь в точь тот лозунг, какой был на знаменах знаменитого сибиро-семиреченского бандитского атамана Анненкова.

После уже, возле „божницы“, возле скопления икон в „красном углу“ хаты появились особые—у всех совершенно одинаковые—флажки, а на столе под иконами появился обязательный хлеб, окруженный крошками.

Этот хлеб, обычно никем особенно не замечаемый, играет большую роль в распознавании „своих“ и „чужих“.

Первым признаком распознавания служит нашитый на одежде крест или крест, начерченный на ставнях, потом приветствие:

— Христос воскрес!

и

— Воистину воскрес!

а затем уже какая-то тщательно скрываемая от „чужих“ манипуляция с крошками и хлебом. На федоровском языке, правда, это называется ежедневным „причащением“, но так ли это—сказать трудно.

Сектанты не любят особенно церемониться с нефедоровцами. Если какой-либо „чужой“ посмеет стать в церкви по правую сторону—его просто выгоняют. Непокорным грозят. Были случаи, что угрозу приводили в исполнение. Поэтому-то „чужие“ и не доводят дело до столкновения. Раз появились федоровцы, „посторонние“ очищают правую сторону церкви.

Идут федоровцы в церковь скопом, сразу, под руководством местного главаря, у которого больше всего нашего крестов на одежде.

Даже почти своеобразным „церковным строем“—строго по чину: однокрестники входят в церковь после того, как войдут многокрестники.

Располагаются федоровцы на правой стороне. Сразу же становятся на колени и так остаются стоять всю службу, продолжая коллективно бормотать свои особенные молитвы.

В прошлом 1928 году, под пасху, федоровцы особенно густо заполнили церкви. У них в эту ночь был назначен „конец света“, „приход белых всадников“.

До полуночи служба шла обычно, федоровцы стояли на коленях и бормотали свои молитвы. После же полуночи, когда священники, по ритуалу, воскликнули, что „Христос воскрес“, федоровцы сбросили с себя верхние одежды и все, поголовно,—во всех селах, зараженных федоровщиной, во всех церквах, посещаемых федоровцами,—остались в белых одеждах, украшенных гроздьями крестов.

Уже этот жест, рассчитанный на определенный эффект и проделанный буквально во всех гнездах одновременно, по одному плану, говорит, что у федоровцев есть центр, есть руководство, есть организационное оформление.

Сектантский ритуал.

Каков ритуал приема в секту, каковы обещания, даваемые федоровцами при вступлении в организацию, каковы, наконец, методы дисциплинарного воздействия на рядовую массу?

Вопрос этот, несмотря на всю его значительность, несмотря на большой к нему интерес, мне нигде во всей полноте выяснить не удалось.

В селе Талы довелось долго беседовать с одним крестьянином, отошедшим от секты. Он рассказывал о многих проповедях, о многих хождениях по церквам,

о многих встречах с главарями и т. д., но когда я попытался побеседовать о ритуале, о процессе приема и т. д., он, настроенный к секте достаточно враждебно, вдруг замолчал, будто выдохся, и начал отделяться ничего незначащими общими словами.

По уверению же местных наблюдательных людей, ритуал приема обставляется большими гарантиями и искушениями.

Право вербовки членов предоставлено далеко не всем сектантам. Приему в секту предшествует искус. В чем он заключается, трудно сказать, но предполагают, что искус этот находится в достаточном противоречии с советскими законами.

Затем, за изъявившим желание вступить в секту устанавливается густой контроль, густой шпионаж.

Его почти не оставляют одного. Несколько пар испытанных федоровских глаз следят за каждым его шагом. Ни один поступок, ни одна встреча, ни одна беседа испытуемого не остается неизвестной главарям секты.

Вот эти испытуемые и составляют повидимому нижний этаж секты—„тайных федоровцев“.

Когда искус выдержан, когда кандидат „оправдал доверие“—его вводят в „белые монахи“. Характерно, что федоровцы установили различные сроки „кандидатского стажа“.

Для людей темных, зараженных предрассудками, легко поддающихся на удочку „явления и изгнания дракона“, сроки „тайного федоровства“ крайне незначительны, так же, как для людей, уже зарекомендовавших себя антисоветской деятельностью в прошлом.

Для людей же, по мнению главарей слишком развитых или неизвестных своим участием в каких-либо бандах, искус длится продолжительное время.

Известен, например, такой случай.

В одном из гнезд федоровщины с Терновке живет крестьянин Соколов (не родственник главаря). В прошлом—честно служил 4 года в Красной армии, дрался на фронте и „был храбрым воякой Красной армии“ как аттестует себя тридцатилетний Соколов.

После Красной армии—вел активную советскую работу. Похвально боролся с бандитскими шайками в Терновском районе, был даже председателем Терновского сельсовета,—и недурным председателем—толковым, деятельным, распорядительным.

У Соколова одна беда: на него колоссальное влияние оказывает старуха мать, темная, неразвитая крестьянка, обладающая, однако, удивительным упорством, завидной силой воли, а в прошлом обладавшая еще большой хозяйственной сметкой и редкой распорядительностью и расчетливостью.

Старуха мать с 1926 года заделалась федоровкой и начала усердно обрабатывать сына, налегая на него неизжитым еще в глухих деревушках родительским авторитетом и умело используя природную сметку и силу воли.

В доме Соколова начали в изобилии появляться „священные книги“, старуха заставляла сына читать ей их, особенно книгу Даниила и Апокалипсис, обнаружила большое мастерство по части церковного и сектантского толкования текстов и оказалась способной ученицей „белых монахов“.

Вскоре Соколов пытался „податься в федоровцы“.

Он попал в число „тайных“ и подвергся длительному искусу.

Вероятно честная служба в Красной армии, честная борьба с бандитами и недавняя активная советская работа были настолько большим препятствием, что Соколов, несмотря на удивительную, прямо фанатичную религиозную „ревность“, в федоровскую секту

так и не попал, заделавшись после „иосафовцем“, как он называет себя.

Мать Соколова до сих пор остается яркой федоровкой и держит в углу хаты, под иконами, какую-то коцергообразную клюку, которую называет „моей пикой“. С этой „пикой“ старуха обещает пойти на войну, когда придут „белые всадники“. Сына своего считает „неверным“, „заблудившимся“, „прислужником антихриста“.

Почти такую же историю мне рассказывали про одну учительницу, с той только разницей, что это была дочь попа, но по обязанности учительницы ведшая, — хотя и слабо, даже из рук вон скверно, — антирелигиозную работу в школе.

Учительницу эту долго держали на положении „тайной федоровки“ и, говорят, до сих пор не позволяют вступить во второй этап, хотя она давно уже учительство бросила.

Правда, бывают и исключения.

В частности, известен случай довольно быстрого приема в секту бывшего заместителя председателя Калитвинского волисполкома и даже бывшего члена партии Тоцкого, в прошлой деятельности которого, однако, обнаружались такие факты явно кулацкой и явно антисоветской деятельности, что партия его выгнала из своих рядов задолго до того, как федоровцы приняли в секту и даже задолго до того, как суд воздал ему должное и по заслугам.

Самый процесс, так сказать обряд приема в секту, по словам местных наблюдательных людей, состоит в том, что человека, прошедшего искус „тайного федоровства“, переводят на пищу, состоящую из воды и из лука.

Почему именно лук вошел в состав „священной пищи“ федоровцев — судить трудно.

Но лук играет какую-то символическую роль, установленную повидимому Иваном Леонтьевичем Ратиевым, тем самым, который особенно усердно насаждал федоровство в Таловском районе.

Откровенная монархическая агитация.

Ратиев—родом с хутора Соленого. В свое время служил в царской армии в Москве на сверхсрочной службе. Говорят, участвовал в карательных экспедициях знаменитого полковника Римана. В столыпинские времена заделался ярким сторонником отрубщины. Перед революцией владел крупным земельным участком.

Насколько мощно было хозяйство Ратиева даже в 1928 году, достаточно сказать, что он должен был платить 500 руб. единого сельхозналога. И не мудрено: Ратиев широко пользовался наемным трудом, имел мельницу, крупорушку и даже маслобойку.

После революции Ратиев, повидимому, был близок к различным бандам, в частности к колесниковцам. Во всяком случае, возле хутора Соленого колесниковцы скрывались достаточно долго.

Уравнительное землепользование и воспрещение кабальных аренд, широко практиковавшихся Ратиевым до революции, превратили его в ярого врага советской власти.

После нэпа, Ратиев пытался „размахнуться“ вновь, но скоро осел, ударился в сектантство и затем примкнул к федоровцам.

Изображал юродивого. Симулировал „блаженство“.

Надевал на голову белый колпак, вроде чалмы, с федоровскими эмблемами и надписями, весь обшивался крестами, шею обматывал гирляндами лука, брал в одну руку заостренный посох, а в другую пучек травы и вел настойчивую антисоветскую агитацию.

Ратиев агитировал так: сейчас на Руси установилась антихристова власть. Она очень горька, как лук. Но власть эта недолговечная: „всего лука с'есть не успеем, как власти антихристовой не будет“, „как придут белые всадники“ и установят „единого пастыря“, который „соберет все народы России в один пучек, как вот эта трава“.

Самое посвящение в федоровцы носит такой символический смысл: идущий в секту обязуется

поедом есть советскую власть, систематически, настойчиво, каждодневно истреблять луковицы (вредить мероприятиям, срывать задания советской власти) и готовиться к приходу „белых всадников“ (контр-революционных войск, восстаний, интервенций), которые установят „единого пастыря“ (царя) и которые дадут жизнь сладкую как конфетка.

Федоровцы проповедуют, что „белые всадники“ придут под предводительством „архангела Михаила“. Дешифровка такова: белые армии придут под предводительством быв. великого князя Михаила Романова, который, по уверению федоровских заправил, жив и возглавляет „белых всадников“.

В Петропавловке мне рассказывали, что однажды, в позапрошлом году, федоровцы разбрасывали каким-то способом размноженную (вероятно гектографированную) брошюру, в которой среди бессвязного бормотания сообщалось, что на какие-то небесные корабли уже посажены „белые всадники“ и что их прихода надо ждать со дня на день.

К великому сожалению, ни один союз безбожников, ни один антирелигиозник не сохранил этой брошюры, в которой повидимому были зашифрованные места, потому что предположить, что человек, знакомый с гектографированием, пишет настолько бессвязно, что на целых страницах не уловить никакого смысла,—почти невозможно.

Сейчас центром федоровщины является все еще Новая Калитва, этот, „Новый Иерусалим“ по федоровским проповедям, хотя за последнее время молитвенный центр федоровщины постепенно переселяется на хутор Солёный и в Атаманск.

Собственно, „Новым Иерусалимом“ некоторое время называлась нелегальная молельня, созданная Дмитрием Пархоменко в Новой Калитве. Потом имя „Нового Иерусалима“ было присвоено вообще Новой Калитве. Поэтому-то федоровцы до сих пор на все большие праздники толпами сходятся в ново-калитвинскую церковь и здесь всю ночь ждут „прихода белых всадников“.

Утром, выходя из церкви, спрашивают друг друга:

—Живы еще слуги антихриста?

И отвечают.

—Живы. Господь бог отсрочил приход своего войска, потому что не все еще праведники надели белые одежды, оградили себя крестами и не все еще едят лук.

Отсюда: после каждого отсроченного „конца света“, после каждого отложенного „прихода белых всадников“, начинается бешеная вербовочная кампания, бешеное охаживание „праведников“, „которые не надели еще белых одежд“.

Для агитации используются все случаи.

Одно время Дмитрий Пархоменко начал из своего дома ездить в церковь босиком и верхом на палочке.

Это доставляло большое удовольствие ново-калитвинским ребятишкам. Они гурьбой сопровождали босого бородача, похитившего у детворы веселую забаву.

Но Пархоменко вовсе не дурачек, вовсе не юродивый, и езда на палочке подсказана ему не помутившимся разумом, а тонким расчетом.

Собиралась детвора. Сбегались просто любопытные.

За едущим в церковь следовала толпа. Пархоменко использовал эти моменты для агитации федоровского учения.

—Почему я еду на палочке? Христос был не ровня мне, я не достоин поцеловать его след, а и то он в Иерусалим ехал на осле.

—Но ведь, то Иерусалим, а то Новая Калитва.

—Теперь нет Калитвы. Есть Новый Иерусалим. А церковь наша—гроб господен.

После этого вступления Пархоменко раздражался обычно одной из своих антисоветских, явно монархических проповедей, всегда хитро построенных и тонко рассчитанных.

Успех пархоменковского эксперимента окрылил федоровцев, и теперь они взяли за правило использовать всякое случайное, неожиданное, неорганизованное скопление народа для проповедывания своих идей.

Проповедуют почти всегда иносказаниями, притчами.

Мне довелось слышать две таких притчи.

Тов. Овсянко рассказал мне притчу, произнесенную руководителем секты в с. Криничном.

Руководитель этот—жиденький, плюгавый, сморщенный старикашка, хитрый, как лиса, и увертливый, как уж; в прошлом вор и жулик, теперь—ловко маскирующийся кулак.

Во время прошлогодней хлебозаготовительной кампании у него было найдено 1500 пудов запрятанного хлеба.

Как-то, воспользовавшись случайным деревенским сборищем, руководитель поспешил сюда и занялся усердной агитацией.

Когда присутствовавший комсомолец достойно отчитал старикашку, тот сник, замолчал, опять запахнулся в свое „Христос воскрес“ и „бог знает“, но затем, под конец, разразился следующей притчей:

„В поле вышло два сеятеля и засеяли свои полосы. Над полем одного всегда, каждый день—дожди, и всходы получились буйные, рост бурный. А над полем другого—ни капли дождя. Всходы мелкие, чахлые. Тот, у которого были буйные всходы, ходил гордецом, заранее подсчитывал, хватит-ли ему амбаров, чтобы сложить весь урожай, а тот, у которого были чахлые всходы—ходил с опущенной головой, но каждый день выходил на свое поле и старательно удалял каждую соринку, каждую дрянь. Так и шло все лето. У одного дожди, у другого засуха. Пришло время собирать урожай. Тот, у которого была засуха, хоть немного да собрал, хоть мал колос, да зерно вызрело, потому что корни у его посева были здоровые, крепкие, а тот, которого дожди осыпали каждодневными милостями, вышел в поле, глядит, а хлеб на корню попрел, корни обнажились и погнили... Вот пареньь...“

—Ну к чему вы все это говорили? Для чего? Что все это должно значить?

Жуликоватый руководитель секты скорчил гримасу, которая должна была означать улыбку, развел руками и зашамкал:

—Мы люди темные, где нам знать, что весь этот рассказ значит . . . Спросите вот у них,—показал старик в сторону собравшихся крестьян. — Может быть кто-нибудь и знает, что это значит . . .

Расчет у жуликоватого старика был верный. Притча сама по себе достаточно пуста и глупа, но эту притчу понесут по хатам, будут гадать, что-бы она могла значить и, следовательно, в семьях будут говорить о федоровцах, пересказывать их сказки о „конце света“, и „белых всадниках“, а, значит, способствовать распространению федоровщины. Ведь, в глухих селах, в каком-либо Криничном, почти никто,—по крайней мере регулярно и настойчиво — не разоблачает „белых монахов“.

В другом месте, в Талах, мне передавали другую притчу, широко распространяемую в нынешнем году.

— „Шел по дороге старичек. Старенький, седенький. На плечах—мешок, туго набитый. Шел, шел, устал, положил мешок у дороги, сел, отдыхает. Оглянулся, видит—едут пять красноармейцев. Старичек встал и зашагал по дороге дальше. Мешок-то оставил. Идет не оглядывается. Красноармейцы под‘ехали к мешку, видят набит туго, чуть не лопнет. Думают: дай взглянем, что там. Соскочил один с лошади, попробовал мешок. Не поднять. Позвал другого. Соскочил тот:—не поднять. Третьего позвали. И опять поднять не могут... Так все пять слезли с коней, все пять трудятся над мешком, кровавым потом исходят, а поднять не могут. Тогда решили: догоним старика, узнаем чем он мешок набил. Сели на коней, догнали старика.—„Что у тебя, дедушка, в мешке, который ты бросил?“—„А урожай,

милые!“—„Почему же его не поднять?“ „Вам этот урожай не поднять! Так и сгинет!“—Кинулись красноармейцы обратно к мешку, прискакали, глядь—а у дороги никакого мешка. Лежит один камень и все тут. И дед пропал“.

Сказка это любимое оружие федоровцев. Несмотря на то, что сказки эти глупы, бессвязны—они оказывают некоторое воздействие на темных, неустойчивых крестьян, не освободившихся еще от религиозных предрассудков.

Видя, что всходы на нивах стоят—залюбуешься, что урожай обещает быть отменным, федоровцы, а в первую голову их вожаки, всячески стараются заранее подорвать надежду на урожай.

— Все равно, мол, урожай не подымет! Все равно в руки не дастся!

Вот в духе этих притч федоровцы и строят всю свою агитацию. На иносказаниях, на намеках, на сказках.

Тайные моления.

В своем кругу они откровенны, но этот самый „свой круг“ так забаррикадирован, так законспирирован, что заглянуть туда дело не легкое.

В прошлом году ново-калитвинцы стали замечать, что по вечерам на калитвинские пастбища приезжает много федоровцев. Будто проездом, остановятся в овраге, выпрягут лошадей, пустят пастись, а как стемнет, куда-то исчезают.

Пошли слухи, что федоровцы устраивают ночные „моления“, что они у себя насаждают хлыстовство, что ведут проповедь „свального греха“, что практикуют повальный разврат.

Несколько комсомольцев [решили разузнать доподлинней, разведать поподробней.

За ночь убедились, что верно, приезжают, распрягают, пускают лошадей пастись, а сами исчезают куда-то в Новую-Калитву, видимо в хату Пархоменко, где находилась тайная молельня.

На другую ночь комсомольцы залегли сзади двора Пархоменко.

Надо сказать, что Пархоменко живет на краю села и вишневым садиком его усадьба выходит к оврагу.

Когда стемнело, комсомольцы видели, как Пархоменко с фонарем вышел из хаты, хозяйственно обошел усадьбу, всюду осмотрел, убедился, что все в порядке, что ничего подозрительного нет, взял большой шест и воткнул его возле дорожки, ведущей из оврага в сад. Шест был, конечно, условным знаком. Когда Пархоменко ушел, комсомольское озорство взяло верх. Они свалили шест и опять залегли за укрытием. Смотрят из оврага по тропинке поднимается несколько человек, идут прямо к пархоменскому садику, но, дойдя до поваленного шеста, быстро вернулись обратно, так как условного знака не оказалось.

Через некоторое время Пархоменко снова вышел в сад, снова тщательно осмотрел усадьбу, опять ничего подозрительного не заметил и, опять воткнув шест, ушел в хату. Теперь комсомольцы решили выждать. Из оврага выползла одна фигура, увидела шест, слегка свистнула, и один за другим федоровцы гуськом затрусили по тропинке к „Новому Иерусалиму“.

Как только пробежал последний, Пархоменко спустил с цепи злощих собак и комсомольцам оставалось только уносить ноги.

Когда, обежав улицу, комсомольцы попытались пройти с улицы мимо дома Пархоменко, они наткнулись на почему-то бродившего по улице федоровца, который, будто невзначай, громко чихнул. Опять условный знак о „постороннем глазе“. Подошли комсомольцы к хате „Митро“ (как зовут в Н. Калитве Пархоменко) —

там тишина. Ни звука. Не то все ушли, не то притаились.

Хата Пархоменки была избрана местом сборищ вероятно потому, что она со всех сторон обсажена хатами федоровцев, как сторожами федоровских тайн.

Говорят, что федоровцы во время моления поют какие-то песни, заканчивающиеся припевом „аллилуия“, но что это за песнь—никто не знает. Мне показывали несколько записей, но записанные песни—не что иное, как бездарные „духовно-нравственные“ стихи, списанные из замшелого „Русского паломника“.

Несомненно, что эти списки песен подсовывают сами федоровцы, чтобы „утолить“ любопытных и тем отвести от поисков настоящих федоровских песен. Известно, что песни федоровцев откровенно контр-революционны. Иногда „белые монахи“ поют даже царский гимн.

Вот примерно все, что известно о федоровцах, все, что можно пока что собрать о них.

Но это, так сказать, часть историческая.

Гораздо более важна вторая часть—политическая.

Лицо федоровщины.

Для того, чтобы понять что из себя представляет федоровщина, достаточно сказать, что в с. Терновке, например, из откровенных федоровцев около 75% участвовали в различных бандах. В Н. Калитве положение примерно такое же.

В остальных селах картина особенно не меняется.

Бандит, бывший урядник, жандарм, городовой, торговец, кулак—вот остов и головка федоровщины.

В Н. Калитве долгое время руководил сектой Дмитрий (Митро) Сергеевич Пархоменко, крупный кулак, принимавший активное участие в бандах Колесникова, только по непонятной случайности ускользнувший в

свое время от заслуженной кары. „Случайность“ эта объясняется видимо большой засоренностью в те годы советского аппарата на местах. Брат Пархоменки, также активный бандит, расстрелян при ликвидации колесниковщины.

Другим верховодом федоровцев в Н. Калитве является Иван Ефимович Пархоменко, имевший до революции 56 десятин собственной земли и весь ассортимент сложного сельско-хозяйственного инвентаря. Принимал активное участие в банде Колесникова.

В с. Криничном верховодил федоровцами Степан Кириллович Аторкин, бывший крупный торговец, имевший до революции до 60 десятин собственной земли. Принимал участие в калитвинском кулацком восстании. Там же подвизается Тихон Игнатьевич Тоцкий, крупный кулак, бывший жандармский унтер-офицер. Два его брата расстреляны при ликвидации колесниковщины. Затем в Криничном заметная роль принадлежала отцу и сыну Хорольским, крупным кулакам, имевшим 117 десятин собственной земли. Оба участвовали в белой армии. После возвращения от белых, помогали продовольствием колесниковской банде.

В Терновке—богатеи Соколов. В Н. Лимане—кулаки Колесниковы и жулик Коржов. В Талах видную роль играли Грибанов и Ратиев, о которых уже говорилось. На хуторе Редкодуб управляли федоровцами Р. Архипов, кулак, имевший до революции 90 десятин собственной земли, и И. Тущенко—быв. стражник, имевший 70 десятин собственной земли. В хуторе Иголкине главенствовал И. Сыроватский, имевший в прошлом 200 десятин собственной земли, а в слободе Абросимовке центральной фигурой среди федоровцев был В. П. Ткачев, крупный кулак, постоянно и широко использовавший наемный труд, имевший 120 десятин собственной земли, занимавшийся подрядами и пр.

Я взял здесь главарей, только небольшую часть федоровцев, но если бы проследить всех играющих более или менее заметную роль в секте, то каждый из них оказывается либо бывшим жандармом, либо бывшим урядником, либо бывшим крупным землевладельцем, торговцем, либо бывшим и настоящим кулаком и уже обязательно каждый окажется участником той или иной бело-зеленой банды.

Федоровцы несомненно опасный враг. Во всяком случае, враг, способный причинить много вреда нашей деревне и нашему сельскому хозяйству, ставшему на путь реконструкции. Они, несомненно, имеют достаточно совершенное организационное оформление, очень близкое по построению к Ку-Клукс-Клану. Они направляются опытным центром, который, несомненно, связан теснейшими нитями с зарубежными монархическими организациями.

Достаточно сказать, что зарубежные монархические газеты уделяют много внимания федоровщине, раздувая ее в какое-то грандиозное движение.

И, наконец, федоровцы на местах слишком подозрительно разворачивают „практическую работу“ именно по тем тезисам, которые пронизывают зарубежные монархические газеты.

Конечно, федоровщину преувеличивать не следует.

Те федоровцы, которые имеются у нас, далеки, конечно, от миллионов, мерещащихся Марковым 2-м и „всероссийским императорам“, но и эти 2000 человек не следует упускать из поля зрения, не следует проходить мимо них, не замечая их настойчивой разрушительной работы.

Федоровщина—организация явно вредительская.

Федоровщина опасна главным образом своей подвижностью, своей эластичностью, своим назойливым вредительством, всегда ловко рассчитанным.

Когда в 1928 году Советский Союз испытывал острую нужду в хлебе и когда кулачье усиленно скрывало хлебные излишки, федоровцы развили бешеную агитацию именно за то, чтобы хлеб не попал в руки рабоче-крестьянской власти.

И не так вот, чтобы открыто подводить себя под статьи уголовного кодекса! Федоровцы направляются слишком опытной рукой, чтобы лезть в лобовую атаку.

Главари нашли окольный путь.

Еще только-только наметились затруднения с хлебом, еще не было и разговора об исключительных мероприятиях, а федоровцы уже повели практическую работу по растрачиванию хлеба.

Не по разбазариванию, не по распродаже, а именно по растрачиванию хлеба.

Из каких-то евангельских текстов было сфабриковано учение о том, что богу чрезвычайно угодны массовые обеды, что обильная трапеза на сотни человек это ближайший путь к царствию божью, что „белые всадники“ при „конце света“ будут особенно милостивы к тем, кто устроил хотя бы одну общественную трапезу.

Вся эта проповедь густо снабжается цветистыми притчами, туманными иносказаниями, подкрепляется то „босоножкой Марфой“, то „блаженным Егорушкой“, то видениями патриарха Константинопольского, то письмом с неба от господа бога, письмом, упавшим будто бы в крупной градине, попавшей в трубу руководителя такого-то, растаявшей в печи и обнажившей „святое письмо“.

Начинается прошлогодняя дикая вакханалия массовых обедов, сразу на 200—300—400 человек. Каждый федоровец мечтает о легком спасении души, пыжится сам, устраивает складчину с другими и закатывает обед на 100—200 гостей, приходящих из разных деревень.

Обед этот превращается фактически в беспощадное истребление сельско-хозяйственных продуктов, особенно хлеба, так нужного советской стране.

Местные политпросветработники и местные власти недоуменно глядели на „чудачества федоровцев“, разводили руками, когда их спрашивали о причинах масовых обедов у сектантов, и ждали чем это кончится.

А федоровцы вскоре „нашли“ еще какое-то „священное письмо“, повелевавшее раздавать хлеб по беднякам, чтобы те дареный хлеб, после семикратной молитвы, скрыли так, „чтобы своя рука не ведала, свои глаза не видели“ и держали этот хлеб до тех пор, пока в двери не войдут „белые всадники“, пока те не перекрестятся на иконы, не поцелуют флажков, не скажут „Христос воскрес“ и не укажут путь в „царствие божие“.

Ослепленные многолюдными обедами, оглушенные цветистыми проповедями и затуманенные непонятными притчами, бедняки, сами разорившиеся на обедах, покорно таскали по ночам „дареный“ хлеб, совершали истомляющие молитвы и прятали кулацкий хлеб так, что „своя рука не ведала, свои глаза не видели“.

Когда же разразились хлебные затруднения, когда надо было во что бы то ни стало добыть хлеб для промышленных центров, местные работники с недоумением увидели, что в их хлебофуражном балансе образовалась какая-то незаполняющаяся дырка, что много хлеба куда-то утекло, а куда—неизвестно.

После только пораскинули умом и сообразили, что федоровские обеды стравили не одну тысячу пудов, да „подарки“ хлебом с'ели не меньше.

В прошлом году еще только-только в специальных газетах и журналах замелькали статьи о необходимости кампании за поднятие урожайности полей и расширение посевных площадей, а федоровцы уже развернули подрывную работу.

С исчерпывающей для федоровца убедительностью главарями секты доказывалось, что именно в 1929 году должен быть „конец света“, что именно в 1929 году с неба сойдет незримый огонь и спалит все живущее, кроме самих федоровцев, что после великого пожара они одни, в своих белых одеждах, останутся на голой земле и, прослушав страшный суд, начнут строить „тысячелетнее царство божие на земле“, где не будет ни слез, ни вздыханий, ни забот о куске хлеба.

Они ни словом не обмолвились о подрыве разворачивающейся кампании за поднятие урожайности полей и за расширение посевных площадей, они ничем не навлекали на себя гнева местных просветработников, а, между тем, их агитация была ловко направлена именно против сельско-хозяйственной кампании.

— Раз будет конец света,— рассуждал каждый федоровец,— то зачем я вообще буду сеять, трудиться, потеть, когда все равно незримый небесный огонь спустится на землю и сожжет все живое, кроме моего, защищенного молитвами и крестами тела.

И вот результаты: у федоровцев во всех районах от Н. Лимана и Талов до Н. Калитвы и Атамановска в нынешнем году резкое снижение посевов и громадное ухудшение качества семян, обработки, ухода, а, значит, предпрешенное снижение валового урожая.

Естественно, что когда виды на урожай у окрестных крестьян очень хороши, когда озими щекочут колосом за ухом, у многих рядовых федоровцев из исконных земледельцев засосало под ложечкой. Родилась некая сельскохозяйственная, землеробская ревность. Заколебались федоровские „идеи“.

Тогда была пущена притча о старике и пяти красноармейцах.

Что, мол, жалеть о том, что не сеяли, что завидовать соседскому житу, когда все равно урожая не собрать?!

Если бы собрать все факты подрывной работы федоровцев—получилась бы интереснейшая книга.

Подходит время учета об'ектов обложения, а федоровцы развивают бешеную энергию по срыву этой работы. Начинаются хлебозаготовки—они из каких-то священных книг, божественных писем „вычитывают“, что правоверный христианин, просвещенный Федором, не должен ничего и никому продавать.

Отсюда—не продавать и хлеба!

И если бы наши хлебозаготовительные пункты вели регистрацию хлебосдатчиков по религиозному признаку, они удивились бы, как мало им приходится иметь дело с федоровцами.

Займа укрепления крестьянского хозяйства федоровцы в руки брать не пожелали. „Эго, мол, от антихриста“.

Когда была развернута кампания по самообложению, федоровцы встретили ее в штыки.

До сих пор федоровцам приходилось иметь дело с индивидуальными обязанностями и они ловко обходили их, прикрываясь „священными книгами“, но самообложение—это коллективная обязанность, это раскладка, производимая обществом, сходом, миром. Тут уже притчей не прикроешься.

Тогда федоровцы просто отказались платить:

— Это от антихриста!

Ни в каких священных книгах самообложение на культурно-социальные нужды, видите ли, не предусмотрено, значит, это от антихриста.

— Но, ведь, вы же знаете в ваших книгах написано: „кесарево—кесарю“?

— Это касается сельхозналога. Самообложения не касается. Самообложение пойдет на клубы, школы и больницы, а это все от антихриста. Платить не будем. Христос воскрес!

Большинство же и этого не говорило.

Просто не платят и все тут. Вступают в конфликт с обществом, но не платят.

Не даром в Новой Калитве дошло даже до того, что в прошлом году общество решило не давать федоровцам лугов.

— Они нас изводят, так зачем их приравнять к честным гражданам?

До каких пределов может дойти федоровщина в своих наскоках на мероприятия советской власти, ярче всего показывает такой маневр.

В нынешнем году поля Таловского района были сильно заражены вредителями и, кроме лугового мотылька, появилось много суслика.

Зная, что вредитель крестьянского поля является одновременно и вредителем планов советской власти, зная, что советская власть обязательно поведет борьбу с полевыми вредителями, федоровцы еще задолго до того, как раскачались советские работники мест, повели усиленную агитацию за то, что-де каждое животное является „божьей тварью“, что раздавить даже муху будет незамолимым грехом, что „ни один волос не упадет с головы без воли божьей“ и что раз на земле появляется много бабочек, значит такова воля божия.

Хуже!

В самый лет лугового мотылька федоровцы пустили в ход притчу о том, что „белые всадники“ придут на землю незримо, что они будут виться вначале над землей простыми бабочками, — маленькими и невзрачными, — а потом, когда протрубит какой-то голос, ударятся о землю и станут „белыми всадниками“.

Конечно, сказка достаточно глупая, кроме смеха ничего вызвать не может, но надо иметь в виду с каким человеческим материалом оперируют федоровцы, надо иметь в виду, что федоровцы берут в обработку

только самых темных, самых неразвитых крестьян и опираются только на самые откровенно-кулацкие и явно антисоветские элементы деревни.

Агитация привела к тому, что когда таловские крестьяне вышли на поля бороться с вредителями, явные и тайные федоровцы явились чтобы оборонять вредителей от истребления.

Федоровцы,—по крайней мере так было в Талах,— вышли на свои поля, от участия в коллективных работах отказались и делали вид, что они что-то делают на своих участках, а фактически федоровцы усердно защищали сусликов и гусениц от истребления.

И так во всем. Против каждого мероприятия советской власти федоровцы ведут бешеную атаку, ведут именно нападение, используя каждый удобный момент, каждую возможность, широко учитывая конкретную обстановку.

Когда одних иносказаний, одних притч оказывается мало, федоровцы, как это было при пере выборах советов, практикуют подметные угрожающие письма, рассыпают направо и налево угрозы и прибегают к террористическим актам, главным образом, поджогам.

Новый Лиман (где рождено федоровство), когда там было проведено землеустройство, оказался очень неподатливым на федоровские наветы. Беднячество и середнячество после землеустройства открыто выступило против разных Коржовых и Клып, и федоровская головка должна была смываться из Лимана. Ловким маневром—открытием Нового Иерусалима—она перебросила центр работы в Новую Калитву, большое зажиточное придонское селение, густо засоренное бывшими участниками различных банд.

Когда после районирования области, в Новую Калитву был переброшен районный центр и состав, а значит и качество, местных работников улучшились,

когда в Новой Калитве правильнее стали учитывать причины федоровских успехов, рост секты быстро пошел на убыль.

Испугавшись прекращения роста секты, федоровцы переметнули центр своей работы в Талы.

Расчет простой: Талы были прежде волостным селом, а при районировании утратили значение и стали просто сельсоветским. Состав работников,—а значит и качество работы,—ухудшились.

Кроме того, в 1927-28 году в Таловском районе, благодаря неосмотрительности начальника адм. отдела Рохлина, слишком скоропалительно, непродуманно была проведена кампания за повсеместное закрытие церквей. Эту ошибку, эту опрометчивость федоровцы сейчас же использовали для укрепления своего таловского гнезда и для перенесения туда центра работы.

Однако, в Талах оказалась сравнительно крепкая партийная ячейка, которая шаг за шагом потеснила федоровцев, и те сейчас переносят центр работы в Атаманск, небольшое густо бандитское село (недалеко от Н. Калитвы).

Мне остается только рассказать о методах вербовки членов в федоровскую секту.

Сначала о наиболее распространенных

Устраиваются массовые обеды на 200-300 человек. Приглашаются все желающие. Федоровцы преследуют две цели: злостно, с вредительскими целями, стравливают запасы сельско-хозяйственных продуктов и, одновременно, исподволь подкупают наименее устойчивых и наиболее темных крестьян. Во время этих обедов идет усиленная индивидуальная обработка намеченных жертв. Здесь покупаются федоровцы.

Далее „даровая“ раздача хлеба нуждающимся.

Как только бедняк вступает в секту, его „даром“ снабжают хлебом.

Несомненно, что это липовая „даровщина“. За пуд „подаренного“ хлеба—бедняка заставят скрыть сотни пудов кулацкого хлеба. Конечно, под религиозной маской: „чтоб рука не ведала и глаза не видели“.

Дальше идут различные виды подкупов, до подкупа детей и женщин, влияющих после на отцов, мужей.

Широко практикуется обман во всех видах и во всех оттенках, до шарлатанских явлений дракона и до подметывания „священных писем от господ бога“.

Наконец, террор—от подсылки по ночам „белых всадников“ (случай с Внутряковым) и до поджогов в указанные дни (в Новой Калитве и др. селах).

Все эти методы, применяемые федоровцами, дают сектантам известные результаты, и во многих местах федоровская секта пополняется новыми членами.

Но все эти методы являются собственно не силой федоровцев, а нашей слабостью.

Работа ячеек безбожников во всех зараженных федоровщиной районах очень слаба. Активности федоровцев не противопоставляется активность воинствующего атеизма, вооруженного марксистскими методами.

Ячейки безбожников в Талах и Н. Калитве не удосужились завести регулярно выходящие стенные безбожные газеты, разоблачающие каждодневные затеи федоровцев, этих „белых монахов“, вербующих сторонников под явно монархическими лозунгами и пытающихся в советской стране построить, под покровом религиозной маски, подпольную монархическую партию, возродить в церковном подполье „союз русского народа“.

Одно за другим проезжаем мы села, подтачиваемые федоровщиной.

Запущенные поля. Чахлые посевы несортированным и беспородным зерном. Частые заплатки заброшенных,

невозделанных клиньев. Всюду печать упорной работы по подрыву сельского хозяйства.

Имеющиеся колхозы слабы. Замкнулись в скорлупу. Бедноту, подпавшую под влияние федоровцев, не стараются вырвать из секты и вовлечь в состав колхозов.

За распространение федоровщины значительная доля вины падет на колхозы. Потом—на кооперативы и политпросветы.

Кооперативы бойкотируются федоровцами. Это, видите ли, по учению вожаков,—„антихристова лавочка“.

Но члены здорового, хорошо работающего кооператива не переходят к федоровцам. Если члены кооператива начинают нашивать кресты на рубахи и возвращают кооперативные книжки,— значит в кооперативе не все благополучно.

Нужно сказать, что в федоровскую секту попало некоторое количество бедняков. Как проделывалось федоровцами вовлечение бедноты—рассказано ниже, но федоровцы не могли бы добиться никаких успехов, если бы на местах достаточно правильно проводилась политика партии и советской власти в отношении бедноты.

Местные организации проморгали работу федоровцев по обхаживанию бедноты и не поставили сами работы среди бедноты так, чтобы группы бедноты чувствовали себя опорой коммунистической партии и советской власти в деревне.

Только недооценка работы с беднотой, только засоренность советского аппарата и только целый ряд промахов местных работников позволили кулакам, бывшим жандармам, городовым и урядникам, бывшим и настоящим уголовным и политическим бандитам завлечь в свои сети некоторую часть бедноты и теперь щеголять утверждением, что, мол, „нас и беднота поддерживает“, что, мол, „с нами и беднота идет“

Верно, в рядах федоровцев есть небольшое количество бедноты, но объясняется это только недооценкой на местах директив партии и власти о работе с беднотой, о руководстве беднотой и о классовом воспитании бедноты, как опоры пролетариата в деревне, о воспитании в духе непримиримой классовой борьбы с кулачеством, торговцем и их подлокотниками.

Этими ошибками, политически очень грубыми, недопустимыми,—и объясняется, что федоровцы завлекли в свои ряды некоторое количество бедноты, и что весной 1929 года федоровцы имели некоторый рост за счет беднячества.

Недавно в Талах был такой случай: в первой сотне проходило собрание, посвященное хлебозаготовкам. Конечно, на собрании ни одного федоровца. Они приготавливались заранее бойкотировать хлебозаготовительную работу.

Вдруг на собрание входит один крестьянин К с нашитым на рубашке крестом. Все знали,—это бесспорный бедняк, но весной он „подался в федоровцы“.

Крестьянин К. долго стоял молча, бормотал какие-то молитвы, а потом, когда зашла речь о том, что часть изъятых у кулаков хлеба уйдет на снабжение местной неимущей бедноты, федоровец вдруг не выдержал и задал вопрос.

— А нам дадите?

— Кому это нам?

— А вот беднякам, которые ушли в федоровцы!

И дальше, когда федоровцу все подробно объяснили, он вдруг рассказал тайну весеннего роста федоровской секты.

Богатые федоровцы имели припрятанный хлеб. Держали его для „белых всадников“. Когда по весне многие бедняки оказались в затруднительном положении, федоровцы откопали хлеб и начали, под прикрытием различных сказок, покупать наименее устой-

чивую часть бедноты в свою секту, при чем эта покупка проводилась так ловко, что беднота даже не успевала почувствовать и осознать, в какое болото тянут ее невидимые нити, тянущиеся далеко, до монархических центров за границей.

Главари покупали бедняков хлебом, покупали помощью. И считали, что прочно купили, что кто попал в федоровцы, тот уже не вырвется из их лап.

Но вот К. вырвался и сорвал некоторые маски.

Еще ярче был случай в том же Таловском районе.

Здесь создана Кантемиро-таловская тракторная колонна в составе 35 тракторов.

Раньше чем колонна приступила к формированию зерновых товариществ и образованию обрабатываемых массивов, федоровцы уже крошили тракторную колонну, приводили какие-то евангельские тексты, доказывающие, что тракторные колонны есть „дьявольское навождение“ и „антихристова выдумка“; грозили, что всех, вступивших в зерновые товарищества, в нынешнем же году „спалит огонь незримый“ и, что придут ночью „белые всадники“, которые предадут лютой смерти всех, кто подпишет договор с тракторной колонной. Была даже попытка организовать демонстрацию против тракторной колонны.

Немудрено, что когда тракторная колонна развернула работу (это было осенью прошлого года) удалось склонить к тракторной обработке полей только 22 хозяйства.

Это из 1300 дворов, составляющих Талы, расплзшиеся по оврагу.

Но началась настойчивая работа, больше похожая на неустанную борьбу с федоровскими выпадами.

Требовалось ухлопать на агитационную работу всю зиму для того, чтобы к весне подвести хотя бы некоторые результаты: удалось объединить шесть земельных обществ и восемь зерновых товариществ, в кото-

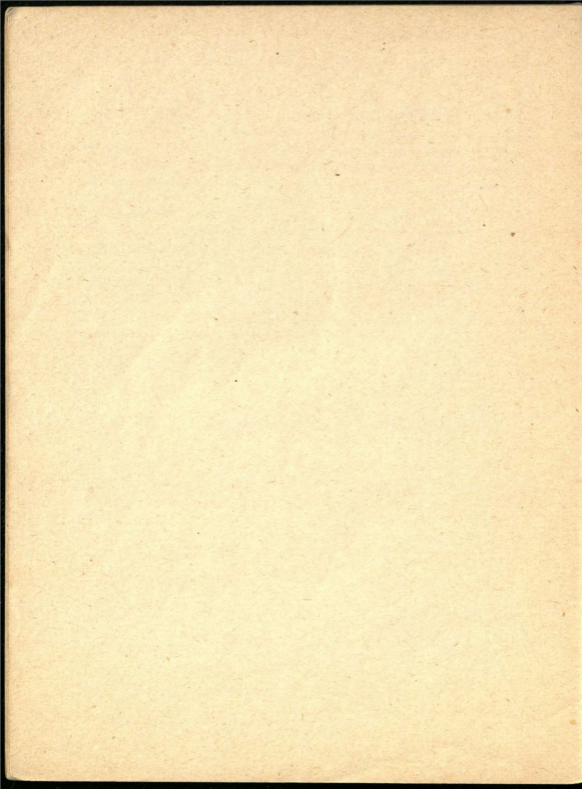
рые входит 586 хозяйств, позволяющих рассчитывать на массив в 12.500 гектаров земли.

Но самое утешительное было дальше: в тракторную колонну вступило 35 беднейших федоровских дворов, этим самым порвавших с федоровщиной.

Такой успех следует рассматривать как указание, с какой стороны надо бить по федоровщине, каким способом обманутую „сектантами“ бедноту легче и надежнее всего вырвать из под влияния федоровской банды.

Усилить работу с беднотой, ни на одну минуту не оставлять ее с глазу на глаз с федоровцем—кулаком и бандитом, способным на угрозу, подкуп и террористический акт, одновременно усиливать колхоз-строительство, укреплять кооперацию, до предела улучшить здесь советский аппарат, очистить его от мусора и разумно поставить безбожную работу, разоблачающую каждую федоровскую затею.

Тогда от „союза русского народа“, выглядывающего из подполья федоровской секты, останутся одни черепки!

2000 -

Цена 30 коп.

